

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОДА В ПОЭТИКЕ РОМАНОВ ПИСАТЕЛЕЙ-ЛАУРЕАТОВ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИХАИЛА ШОЛОХОВА И МО ЯНЯ

С.Н. Барашкова, Ф.Ф. Желобцов, С.Ф. Желобцова

Ключевые слова: роман, поэтика, М. Шолохов, Мо Янь, историзм, традиции.

Keywords: novel, poetics, M. Sholokhov, Mo Yan, historicism, traditions.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-06

Трансграничная стратегия нового литературоведения актуализирует сопоставительный анализ произведений литературы России и стран АТР. Знаковыми романами XX века, отмеченными высокой международной Нобелевской премией, являются книги советского писателя Михаила Шолохова «Тихий Дон» и китайского прозаика Мо Яня «Большая грудь, широкий зад». Нобелианты развернули в художественном тексте эпическую панораму переломного периода народной жизни. Личная причастность авторов к трагическим событиям XX века, мировоззренческие принципы сформировали особый художественный мир романов, отражающий творческую индивидуальность каждого из них. Причем эстетические и нравственные оценки определяются более чем полувековой разницей в издании произведений, внесшей значимые коррективы в авторский взгляд на прошлое.

Известны непростая история публикации романа «Тихий Дон» М. Шолохова, длительная полемика о писательском авторстве [Вишнякова, 2012; Ермолаев, 2000], продолжающаяся дискуссия в критике [Макаров, Макарова, 2000], вневременная востребованность

произведения театром, кино и телевидением. Перед молодым писателем стояла сложная задача художественно переосмыслить жизнь казачества, втянутого в гибельный водоворот революции и гражданской войны, разделивших классовую идеологией общество и семью. Развитие эстетических принципов социалистического реализма как главного направления советской литературы в творчестве писателя базировалась не только на силе его природного таланта, но и на глубоком знании реальной действительности в ее историческом движении. Концептуальны в междисциплинарных связях для нас размышления Б. Реизова о жанре исторического романа в творчестве В. Скотта, который преодолел личную привязанность к малой родине в пользу прогрессивного возвышения Англии, захватившей Шотландию. *«Человек не может создавать закономерности по собственному произволу, строить историю так, как ему хочется, вопреки потребностям общественного развития. В вымышленном персонаже можно воплотить больше исторической правды, чем в персонаже историческом; чтобы создать и, следовательно, объяснить вымышленного героя, можно привлечь больше сведений о нравственной жизни, быте, существовании масс – сведений, отсутствующих в документах, но определяющих характер всей эпохи»* [Реизов, 1971]. В тексте романа «Тихий Дон» драматически переплетаются жизнь и судьба казаков и казачества на фоне переломных событий века. Трансформируется жанровая природа исторического романа, наполняясь эпическим содержанием. Роман-эпопея М. Шолохова, состоящий из 4-х томов, концентрируя внимание на событиях в хронологии, делает главным персонажем семью Мелеховых. Писатель продолжает классические традиции Л. Толстого, связывающего жизнь семьи с судьбой народа в романе «Война и мир», реализуя их в разных сюжетных линиях «Тихого Дона». Бытие всех поколений семьи Мелеховых и их земляков хронологически связано с катаклизмами русского общества, которыми стали Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война. Объемный роман китайского прозаика Мо Яня тоже воспроизводит историю страны с 1940-х по 1990-е годы, горестными вехами которой стали японская интервенция, братоубийственная гражданская война, культурная революция и экономические перемены 1980-х годов. Местом действия произведений становятся русская станица и китайская деревня, в которых живут семьи Мелеховых и Шангуань. В основе художественных романских перипетий находятся автобиографические факты писателей.

Бедное детство и юность Мо Яня прошли в обычной китайской провинции, где на его духовное становление оказали сильное влияние устные сказания шошудов. Маленький мальчик эмоционально пересказывал матери предания о древних героях и волшебных превращениях лис в красавиц в собственной интерпретации. Имя писателя Мо Янь означает «Не говори» и объясняет тревогу матери за будущее «болтливому» сыну во времена тоталитарного режима. Со временем она освободила его от воскресного тяжелого физического труда, отпускала его на рынок слушать сказителей, поверив в его природный талант рассказчика. В нобелевской лекции он исповедально подчеркнул: *«Я рассказчик. Рассказывая истории, я заработал Нобелевскую премию по литературе. Много интересных историй произошло со мной до того как я получил эту премию, и они убедили меня, что правда и справедливость торжествуют. Поэтому я продолжу рассказывать свои истории и в будущем»* [Барашкова и др., 2018, с. 127-128].

Неоднозначна в поэтике текста смысловая природа названий романов, в которых отсутствует причинно-следственная связь между содержанием и топографическим маркёром реки, а также характеристикой археологической находки. Выразительна авторская интерпретация традиционного обращения к Дону, превращающего его в метафору истории. Лексическими локациями языковой структуры становится традиционное фольклорное обращение к Дону как к отцу-кормильцу, переживающему непростые времена. В то время как любовь к матери позиционирует идею романа «Большая грудь, широкий зад», символизирующую первородную роль женщины, воплощенную в фигурке, известной как «Венера палеолита». В идеологическом подтексте констатируется ироническая мысль автора о пагубной привязанности определенной части китайской интеллигенции к власти. Женские характеры преобладают в образной системе произведения, представляющей мать героя Шангуань Лу с восемью дочерьми. Следует выделить гендерную линию развития сюжета, по которой сестры Цзиньтуна отличаются силой характера, смелостью поступков, жертвенностью помыслов. Не случайно их имена воплощают традиционное для китайской семьи ожидание сына: Лайди (Ждем братика), Чжаоди (Зовем братика), Линди (Приводим братика), Сянди (Хотим братика), Паньди (Надеемся на братика), Нянди (Молим о братике) и Цюди (Просим братика). Важно, что мелеховский курень, по замыслу М. Шолохова, держится на материнской силе Ильиничны, способности глубоко любить Аксиньи, преданности и жертвенности Натальи. Мо Янь, продолжая традицию

известного китайского романа о повстанцах «Речные заводы», активным героем народного сопротивления японским оккупантам делает тетушку Сунь: *«Подняв сверкающий меч, он наставил его ей в грудь и бросил что-то непонятное, но грубое. Тетушка Сунь спокойно смотрела на него чуть ли не с издевательской улыбочкой на лице. Она отступила на шаг, но японец тут же шагнул вперед. Она отступила еще на пару шагов, но солдат не отставал. Сверкающее острие меча все время оставалось у ее груди. Уступи такому цунь, так захватит и целый чи, и тетушка Сунь, не выдержав, подняла руку, отвела меч в сторону, а потом в воздух взлетела ее маленькая ножка, и она до невозможности изящным движением ударила японца по руке. Меч упал на землю. Тетушка подалась всем телом вперед и закатила солдату оплеуху»* (Мо Янь, 2013 с. 18)¹. Оба писателя органично вписывают в кульминационные развития драматического действия женские персонажи, оттеняющие мужские судьбы, их гендерный выбор в экстремальной ситуации. Конфуцианская природа семейной философии, архетипично возвеличивающая роль сына, делает значимым рождение Цзиньтуна – девятого ребенка от европейца. Портретная характеристика подчеркивает в мальчике особые черты. Он родился белолицым, с золотыми волосами, а со временем превратился в высокого юношу, напоминающего своего отца католического миссионера Мюррея. Тайна незаконнорожденного ребенка воспроизводит в гротескной форме непорочное зачатие Девы Марии, а появление муленка в хлеву – библейский миф о рождении Христа. *«Муленок, пошатываясь, встал на ноги, но тут же свалился. Гладкая как бархат шерстка, красные губы цвета розовых лепестков. – Молодец, – проговорил Фань Сань, помогая ему встать. – Наша все же порода. Племенной – мой сынок, а ты, малец, стало быть – внучок мне, а я тебе – дед. Почтенная сестрица, приготовь немного рисового отвара, покорми мою сноху-ослицу»* (Мо Янь, 2013, с. 22). В комментариях Нобелевского комитета выделена привязанность художника к реинтерпретации китайского фольклора, мировых мифов и легенд в рамках «галлюцинаторного реализма» или как называют критики «магического реализма», соединяющего реальность с мистическими верованиями народа. Творческая работа над текстом показывает особую привязанность обоих писателей к народным истокам.

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Примечательно, что фольклорные эпитафии к томам романа ментально обозначают особую ценность для М. Шолохова казачьей песни о Доне:

«Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь? Ах, как мне, тихому Дону, не мутну течи! Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют, Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит» (Шолохов, 1956, кн. 3, с. 7). Лексический ряд, экспрессивная ритмика песни выразительно фиксируют наступившее смутное время и задают тревожную тональность историческим событиям. Не просто пережили переменчивое время станичники. Вера в народ сближает классиков русской и китайской литературы. Как Шолохов, так и Мо Янь, продолжая оставаться коммунистами, в творчестве своем следуют жизненной правде реализма. Главный герой романа «Тихий Дон» Григорий Мелехов, оказавшись между двумя историческими силами времени, делает нравственный выбор, ориентируясь на ценности, которые он получил в семье. В финале романа герой отказывается от оружия, войны и смерти в пользу жизни. *«Странное равнодушие овладело им! Нет, не поведет он казаков под пулеметный огонь. Незачем. <...> Не трусость, не боязнь смерти или бесцельных потерь руководили им в этот момент. Недавно он не щадил ни своей жизни, ни жизни вверенных его командованию казаков. А вот сейчас словно что-то сломалось... Еще никогда до этого не чувствовал он с такой предельной ясностью всю никчемность происходившего. <...> Он неясно думал о том, что казаков с большевиками ему не примирить, да и сам в душе не мог примириться»* (Шолохов, 1968, с. 442–443).

М. Шолохов сказал на вручении Нобелевской премии прямо и просто: *«Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. <...> Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. <...> Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив»* (Шолохов, 1965, URL). В 2012 году китайский писатель, размышляя о гуманистической миссии художника, продолжил шолоховскую мысль, как Конфуций, метафорично. Мо Янь сослался на притчу о каменщиках, которые, боясь дракона, принесли ему в жертву одного из своего круга. Расплатой за злодеяние стала их смерть под стенами рухнувшего храма. *«Для писателя, лучший способ говорить – это писать. Все что я должен сказать, вы можете найти в моих работах. Сказанное уносится ветром, а написанное – вечно»*

[Барашкова и др., 2018, с. 126]. Оба писателя верны силе печатного слова как источнику любви к человеку.

В поэтике романов раскрывается талант описания авторами быта и природного мира, пропущенного через призму историзма. Убийство японскими оккупантами отца и сына, описанное натуралистически в романе «Большая грудь, широкий зад», разрушает мирное течение крестьянской жизни: *«Два больших жеребца под седлами ципали стебли гаоляна, что подпирали запасы арахиса, а ослиха с муленком жались в углу двора. Муленок спрятал голову между ног матери, и лишь его голенький хвостик ходил змейкой туда-сюда. Один из японцев в форме цвета хаки вытирал платком свой меч, другой рубанул мечом по стеблям гаоляна, и вся тысяча цзиней арахиса, заготовленного семьей Шангуань еще с прошлого года, чтобы выгодно продать этим летом, с шелестом рассыпалась по земле»* (Мо Янь, 2013, с. 18). Данный фрагмент текста по художественному уровню сопоставим с эпизодом смертельной схватки в романе «Тихий Дон», в котором озверевшие люди, убивая друг друга, втягивали в смертельный круг испуганных лошадей.

В романе «Тихий Дон» текстообразующими часто становятся картины природы, которые оттеняют, углубляют, делают более чувственными и запоминающимися душевные страдания персонажей. Природа в романе рассматривается как неотъемлемая часть мира, в котором разворачиваются эпохальные события Гражданской войны. Знаковым символом времени становится для Григория Мелехова солнце, которое ярко освещает мгновения радости мирной жизни и становится черным в трагический час. *«К вечеру собралась гроза. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидая молчала»* (Шолохов, 1956, с. 29).

Функционирование исторического кода в поэтике романа Мо Яня расширяет художественное пространство во временном измерении, не ограничиваясь 1930-1940 годами, но включая и другой период Китая, обозначенный культурной революцией и экономическими реформами 1980-х годов. Читатель имеет возможность наблюдать за возрастным и личностным ростом Цзиньтуна. В авторской оценке непростых перипетий жизни героя отсутствует приукрашивание социалистического Китая. Сорокалетний Цзиньтун, отсидев в период культурной революции 15 лет в тюрьме, выходит на свободу и не

может вписаться в «лихие» 1980-е годы. Он пытается работать в фирме по перепродаже утиля, на птицефабрике, директором первого в городе универмага, теряет бизнес и возвращается к старой и нищей матери. Историческая правда замыкает жизненный круг героя Мо Яня и делает его символом «потерянной интеллигенции». Психологическая достоверность характера, построенная на конкретных фактах, например, избивание хунвэйбинами своих учителей, унижение старшего поколения, коррумпированность отношений, насаждение обмана и лицемерия, убеждает в цельности художественной самобытности автора.

М. Шолохов стремится аргументировать исторический контент известными именами, фактами, документами. Вот один из них: *«Представители английской и французской военных миссий на юге России, в целях своеобразной политической рекогносцировки, решили послать в Новочеркасск несколько офицеров»* (Шолохов, 1968, с. 85). Исторический код структурирует все компоненты поэтики романов, начиная от хронотопа, социально-идеологических конфликтов, этно-бытового контекста до образной системы и роли главных героев в многоуровневом движении сюжета. Установка на саму жизнь в ее многообразии, переменчивом течении, глубокое знание материала, отказ от идеологической схемы оценок сближает М. Шолохова и Мо Яня, их произведения, востребованные читателем XXI века.

Итоги и наблюдения опыта сопоставительного анализа произведений классиков русской и китайской прозы в теоретическом и прикладном аспектах помогают студентам-филологам расширить представления об эстетических закономерностях развития мирового литературного процесса, его гуманистических идеалов, преемственности традиций и открытия нового.

Литература

- Барашкова С.Н. Литература АТР. Якутск, 2013.
- Барашкова С.Н., Желобцов Ф.Ф., Желобцова С.Ф. Писатели России и стран АТР – лауреаты Нобелевской премии. ЭОР, 2018.
- Вишнякова Е.А. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 1920-х – начала 1940-х годов. М., 2012.
- Володин Э. Соприкосновение миров: Шолохов и Фолкнер. М., 2002. № 7.
- Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000.
- Макаров А.Г., Макарова С.Э. Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М, 2000.
- Реизов Б.Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта. М., 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature3>reizov-71>

Список источников

- Мо Янь. Большая грудь, широкий зад. М., 2013.
Шолохов М. Тихий Дон: в 4-х кн. М., 1956. Кн. 1.
Шолохов М. Тихий Дон: в 4-х кн. М., 1968. Кн. 3, 4.
Шолохов М. Выступления, речи, интервью Шолохова. [Электронный ресурс].
URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/public/index.htm>

Reference

- Barashkova S.N. *Literatura ATR* [Literature of Asia-Pacific Countries]. Yakutsk, 2013.
Barashkova S.N., Zhelobtsov F.F., Zhelobtova S.F. *Pisateli Rossii i stran ATR – laureaty Nobelevskoi premii* [Writers of Russia and Asia-Pacific Countries – Nobel Prize Winners]. EOR, 2018.
Wishnyakova E.A. *Roman M.A. Sholohova «Tihiy Don» w literaturnoy kritike konca 1920-h nachala 1940-h godow* [M.A. Sholokhov's Novel *The Quiet Don* in Literary Criticism of the late 1920s – early 1940s]. Moscow, 2012.
Wolodin E. *Soprikosnovenie mirow: Sholohov I Faulkner* [Contact of the Worlds: Sholokhov and Faulkner]. Moscow, 2002. № 7.
Ermolaev G.S. *Mihail Sholohov I ego tvorczestwo* [Mikhail Sholokhov and His Works]. St.-Petersburg, 2000.
Makarov A.G., Makarova S.E. *Wokrug «Tihogo Dona»: ot mifotworczestwa k poisku istiny* [Around *The Quiet Don*: From Mythology to the Search for Truth]. Moscow, 2000.
Reisov B.G. *Istoriya i wymysel w romanach Waltera Skotta* [History and Fiction in Walter Scott's Novels]. Moscow, 1971. URL: <http://www.philology.ru/literature3>reizov-71>

List of sources

- Mo Yan. *Bolshaya grud, shirokiy sad* [Big Breasts, Wide Ass]. Moscow, 2013.
Sholohov M. *Tihiy Don* [The Quiet Don]. In 4 books. M., 1956. Bk. 1.
Sholohov M. *Tihiy Don* [The Quiet Don]. In 4 books. M., 1968. Bk. 3, 4.
Sholohov M. *Vystupleniya, rechi, interv'yu Sholohova* [Performances, Speeches, Interviews of Sholokhov]. URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/public/index.htm>